

МУРЗИЛКА

№ 9

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

СЕНТЯБРЬ
1949

СНОВА В КЛАСС

З. АЛЕКСАНДРОВА

До свиданья, лес и поле,
До весны, до новых дней!
Мы опять, ребята, в школе,
Мы соскучились по ней.

Жили в лагере мы летом,
И ещё позавчера
Много песен было спето
У прощального костра.

Поднимаясь выше ели,
Искры гасли в синеве.
Сколько мы черники съели
И грибов нашли в траве!

Зная все лесные тропки,
Перешли болото вброд,
Привезли ежа в коробке,
Пусть он в городе живёт.

Мы нашли рога оленя,
Волчи видели следы,
Есть у нас альбом растений
И образчики руды.

А семян мешок тяжёлый,
Что в лесу набрал отряд,
Мы пошлём в степную школу,—
Пусть леса в степи шумят.

Рис. М. РОДИОНОВА

ПОДРУЖКИ ИДУТ В ШКОЛУ

В этот день Таня проснулась очень рано. Ясное сентябрьское солнце косо заглядывало в окно, и у бабушки в кухне ещё топилась печка.

Таня соскочила с постели и, шлёпая босыми ногами, побежала в кухню.

— Ты что вскочила такую рань? — сказала бабушка. — У меня ещё и завтрак не готов!

— Рань! — ответила Таня. — Так и надо, чтобы рань! Ты, бабушка, наверно, всё забыла!

— А что ж такое я забыла?

— Вот и завтрак не сварила пораньше!

— А зачем же пораньше?

— Бабушка! Да ведь я же сегодня в школу иду!

— Ну, а что ж ты кричишь? — удивилась бабушка. — В школе тоже уроки не до свету начинаются.

Тут она вытащила из печки большую шипящую на сковороде лепёшку и сказала:

— А вот я тебе и лепёшку испекла, с собой возьмёшь в школу. Видишь — ничего я не забыла!

Таня побежала на крыльцо умываться. Щёки и уши сразу загорелись от холодной воды. Таня крепко вытерлась суровым полотенцем. Но посмотрела на свои руки и опять побежала на крыльцо. Руки у неё были обветренные, коричневые от загара. Таня тёрла их и намыливала, тёрла и намыливала...

— Да уж будет тебе! — сказала бабушка.

— Да как же будет! — чуть не плача, ответила Таня. — А дежурная посмотрит, что руки чёрные, и скажет: «Уходи из класса!» Вон Нюра Туманова говорит, что там дежурные всегда руки смотрят.

К завтраку пришла мать с молотьбы.

— Я сейчас сама дочку в школу соберу! — сказала она. — Ну-ка, иди сюда!

Она дала Тане выглаженное платье, застегнула чёрный фартук, сунула ей в кар-

машек носовой платок и сама расчесала Тане волосы. Расчесала и задумалась.

— А что же нам с твоими волосами делать? Так итти в школу не годится, на голове-то у тебя словно оwin горит — завитушки торчат во все стороны. Или подстричь их надо, или косичку заплести...

— Косичку заплести! — сказала Таня.

Мать достала из комода синюю ленту и заплела Тане косичку. Косичка вышла маленькая и закручивалась кверху. Но Таня радовалась и гордилась, и всё трогала её рукой, — Таня ещё никогда в жизни не ходила с косичкой!

Таня пила чай и дула в блюдце, потому что она торопилась, а чай был горячий и никак не остывал.

В это время в окно заглянула её подружка, смуглая, черноглазая Алёнка. Таня вскочила

— Идём?!

Алёнка кивнула головой.

— Да куда ж ты! — сказала Тане бабушка. — Ты хоть чай-то допей!

Но Таня уже схватила свой узелочек, который ей приготовили в школу, и выскочила на крыльцо. А в узелочке была тёплая лепёшка, бутылка с молоком и холщёвые кармашки для азбуки.

Подружки вышли на улицу.

— Ух, как провода на солнце блестят! — сказала Таня. — Может, они серебряные?

— Наверно, серебряные, — согласилась Алёнка. Таня опасливо поглядела кругом.

— Снежка не видать? Как бы за нами не увязался!

А Снежок словно только и ждал, чтобы про него вспомнили. Он выбежал из калитки и начал прыгать вокруг Тани.

— Ты не смей с нами ходить! — прикрикнула на него Таня. — Иди домой!

Но Снежок глядел на неё и вилял хвостом, будто хотел сказать:

«Ну, а почему мне нельзя с тобой итти? Я пойду!..»

Тогда Таня подняла какую-то хворостину и замахнулась на Снежка.

— Кому говорят — домой иди! Вот я тебя! — Снежок обиделся, опустил хвост и отстал. Он стоял и глядел, как Таня и Алёнка всё дальше и дальше уходили по дороге.

В конце улицы уже собрались все колхозные ребята-школьники. Кто в четвёртом классе, кто в третьем, кто во втором, а кто и вовсе только в первый раз учиться идёт — все собрались и пошли вместе в школу. И Таня с Алёнкой тоже пошли.

Светлое поле лежало по сторонам дороги. В поле было уже пусто, хлеб убран, и жёлтая стерня слабо блестела на солнце. А над полем стоял нарядный сентябрьский лес. В листве было ещё много зелени, но уже румянились клёны, и осиновые кусты стояли, будто горящие костры — оранжевые, красные, пунцовые...

С дальних полей возили овёс. Большие косматые возы, покачиваясь, шли по дороге.

— Эй, школьники, садитесь, подвезём! — кричали им с возов.

— Подвезёте — в ригу, — отвечали ребята, — а нам надо в школу! Не по пути!

В риге гудел трактор, шумела молотилка, рокотали веялки, слышались голоса. Весёлый шум работ далеко разносился над опустевшими полями.

— Скоро у нас молотилка будет на электричестве работать, — сказал Юрка председателев, — вот как ГЭС пустим.

И тут же крикнул:

— Ребята, сторонись! Машина сзади!

Ребятишки сбежали с дороги. Машина шла, поднимая невысокую пыль. Она была доверху нагружена тяжёлыми мешками — колхоз отправлял хлеб на ссыпной пункт. С машины тоже покричали:

— Может, подвезти?

— Далеко едете! — отвечали ребята. — Увезёте в район, а наша школа близко!

Дорога спустилась в овражек, заросший ольшаником. А когда поднялась на горку, расступились кусты и стало видно школу. Вот она стоит на зелёной луговине — новая, с голубыми наличниками — и блестит на солнце своими большими окнами.

Когда поднялись на горку, Алёнка оглянулась и подтолкнула Таню:

— Тань, посмотри-ка!

Таня оглянулась тоже. Держась в отдалении, по дороге шагали ещё двое — Дёмушка, Алёнкин брат, и его товарищ Ваня Берёзкин. А сзади,

закрутив свой лохматый хвост, бежал Снежок.

— Так и есть! — сказала Таня. — Ну куда тащатся!

— Думают, что их тоже примут! — усмехнулась Алёнка.

Со всех сторон, из всех деревень собрались в школу ученики. Учителя встретили их и развели по классам. Таня и Алёнка, держась друг за друга, вошли в первый класс и сели за парту. Но едва все ученики уселись, как открылась дверь и вошли ещё двое — Дёмушка и Ваня Берёзкин. Они вошли, сняли шапки и остановились у дверей.

Учительница посмотрела на них.

— А вы зачем пришли?

— А мы тоже учиться, — сказал Дёмушка.

— Сколько же тебе лет?

— Семь. Почти уж восьмой.

— А мне уж почти девятый, — осмелев, сказал Ваня Берёзкин.

Учительница улыбнулась.

— Восьмой вам будет через год, а девятый — через два года. На будущую осень приходите, а сейчас ступайте домой!

Дёмушка и Ваня переглянулись, надели шапки и пошли домой.

— Вот как! — засмеялась Таня. — Уже выучились!

— Сядьте прямо, дети, — сказала учительница, — положите руки на парту...

И вдруг посмотрела на дверь:

— Кто это царапается за дверью? Входите, кто там!

Учительница открыла дверь, и в класс вошёл Снежок. Он увидел Таню и сразу завилял хвостом. Все ребятишки в классе засмеялись. Учительница тоже засмеялась.

— Вот так ученик явился! Ну нет, нам таких учеников не надо — уходи, уходи из класса! — Она прикрикнула на Снежка и прогнала его.

Ребята засмеялись, но быстро успокоились и стали слушать, что говорит учительница.

Интересная книга.

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

Рис. Ю. КОРОВИНА

ВПЕРЁД, КАПИТАН!

Утром дедушка разбудил Федю.

— Вставай, внучек. Смотри, какую тебе мать посылку из Москвы прислала.

Федина мама училась в Москве на учительницу теперь она кончила институт и собиралась ехать на работу в Хабаровск.

Дедушка открыл посылку, и сердечко у Феди запрыгало в груди, как белка по веткам. Чего только не было в той посылке! Сверху лежали две книжки — букварь и задачник. Задачник был без картинок, зато в букваре их было по нескольку штук на каждой страничке.

— Вот это книжка, я понимаю! — кричал Федя.

— А это тоже неплохая, — сказал дедушка про задачник. — В ней брат, сказано, что если к двум прибавить два, будет четыре, а пятью пять — будет двадцать пять.

— А тетрадей-то сколько! — удивлялась бабушка. — Их, поди, тебе и не исписать все.

— Однако, испишу, бабушка. Вот увидишь, все до одной испишу, — заверял Федя.

Под тетрадями лежала целая пачка графённых карандашей, пять ручек разных цветов, коробка перьев, две чернильницы-непроливашки: одна стеклянная, другая белая фарфоровая, коробка цветных карандашей, палитра с красками, кисточки, резинки, пенал, большой альбом для рисования.

— Дедушка, смотри, часы мама прислала! — прошептал Федя.

— Это не часы... Это компас. По нему части света узнают, с ним не заблудишься. Вот этот белый конец стрелки всегда на север показывает, чёрный смотрит на юг, справа будет восток, слева — запад. Понятно?

— Понятно, дедушка.

Все вещи в посылке так замечательно пахли, что у Феди даже голова кружилась.

— Дедушка, бабушка, вы только понюхайте, понюхайте!.. — просил он.

Дедушка с бабушкой понюхали всего по одному разу, зато Вестовой нюхал богатства без конца, чихал от удовольствия и подметал хвостом пол.

Феде хотелось немедленно начать учиться, но только до отъезда в Хабаровск оставалось ещё целых три дня. Это казалось ему вечностью. А вот бабушка да и дедушка просто не знали, как они успеют за такой короткий срок собрать внука в дорогу.

— Макар, а Макар, — вздыхала бабушка, — а, поди, свининки-то мы маловато положили. Да и колбаски бы кружочка два надо прибавить. Он ведь любит её, колбаску-то...

— Да больше в ящик не лезет, — возражал дедушка.

— Новый, однако, сколотить можно. Велик ли труд!

— Труд невелик, а времени мало. Я хотел ему ещё одни унты стачать.

У Феди уже было три пары новых меховых сапожек, но против четвертой бабушка не возражала. Ей и самой казалось, что тех десяти пар шерстяных носков, что она связала внуку, будет мало и что надо срочно связать одиннадцатую пару.

Оказалось, что и у Феди не так уж много времени осталось до отъезда. Почти весь второй день ушёл на укладку ранца. Ранец сшил ему дедушка из шкуры дикой козы, шерстью вверх. В нём было три отделения: одно — для книг и тетрадей, второе — для карандашей, а третье — для завтрака. Носить ранец полагалось за плечами, на мягких и широких ремнях ремни можно было подтягивать и опускать.

— В таком ранце только пятёрки носить, — сказала бабушка.

На третий день Федя взял компас, свистнул Вестового, и они по узенькой тропке начали подниматься на Лысую сопку. Это была самая высокая сопка у заимки; до вершины она была покрыта непролазным лесом, на самой вершине не росло даже травы. Она была каменная.

Федя уже бывал на Лысой сопке с дедушкой, а сегодня он поднимался один. Но он не боялся заблудиться. Ведь у него был компас. Он всё время смотрел на стрелку, стрелка дрожала, но упрямо показывала вперёд, как раз туда, куда вела тропинка.

Вестового компас не интересовал. Он без конца бросался в стороны от тропинки и лаял: сначала на белок и маленького полосатого бурундука, а потом с визгом понёсся догонять метнувшуюся в сторону дикую козу.

— Хоть ты и хорошая собака, Вестовой, а глупая. Разве можно догнать козу? Она, как молния... — сказал ему Федя уже на вершине.

Сверху вся дедушкина заимка казалась совсем крошечной: дом, сарай, амбарчик были маленькими, точно игрушечными, а конуры Вестового совсем не было видно. Но зато Амур сверху казался ещё шире. Он как будто разрезал землю пополам. По обоим его берегам толпились молчаливые сопки, они выглядывали друг из-за друга, точно им всем хотелось посмотреть на Амур. Ближние сопки были зелёные,

а дальние — синие. И сколько ни смотрел Федя, ничего, кроме сопки, не было видно, как будто на всём свете не существовало, кроме дедушкиной заимки, ни одного домика. Только сопки, тайга, небо над головой и широкий Амур.

А ведь где-то внизу по реке был Хабаровск, большой город с каменными домами, вверху был Благовещенск, а на западе, за горами и долами — Москва...

На третий день дедушка сколотил новый рундук. В него уложили все одиннадцать пар носков, четыре пары унтов, меховую шубку-малицу и все остальные Федины пожитки. Потом все вещи снова перекладывались, и дедушка строгал доски ещё для одного ящика. В него нужно было уложить то, что не поместилось в первый ящик и рундук.

— Можно подумать, что мы его не в город отправляем, а на необитаемый остров, — ворчал дедушка, но ворчал тихо, чтобы бабушка не услышала.

И вот наступил день отъезда. В обед к заимке должен был прибыть пароход. Федя вдруг почувствовал, что ему не так-то легко расстаться не только с дедушкой и бабушкой, но и с Вестовым, с козами и курами, с поросятами; жалко было расставаться даже со своими грядками на бабушкином огороде, хотя они были уже пустыми. Федя загрустил.

Он, как только проснулся, побежал на берег встречать дедушку. Дедушка каждое утро плавал на гольдячке проверять свой участок реки, смотрел, в порядке ли вешки и бакены, не повреждены ли береговые знаки.

Поджидая дедушку, Федя пускал по воде плоские камни — пёк блины. Блинов получалось много, а удовольствия Федя не испытывал. Кажется, он с радостью остался бы на заимке, если бы дедушка сказал: «Не уезжай от нас, внучек». Но дедушка сказал совсем другое:

— Ты что загрустил, Фёдор? Жалко с нами, стариками, расставаться? Надо, внучек, надо ехать. У нас в стране всем до единого полагается на восьмом году итти в школу. Сядем-ка поговорим, Фёдор.

Они уселись на берегу — большой, широкоплечий моряк с золотой бородой до пояса и маленький Федя. Но чем-то они были

похожи друг на друга. Видно, дедушка много хотел сказать внуку, наставить его в жизни, внушить ему, как важно учиться, но ему трудно было подобрать такие слова, чтобы Федя его хорошо понял.

— Вот посмотри, внучек, на Амур-батюшку. Широк он?

— Широк, дедушка.

— Просторен?

— Просторен.

— Тут он течёт спокойно, а там вон, однако, воду рябит...

— А там коса... Ты что, забыл, дедушка?

— Пошто забыл? Не забыл. Сам ту ко-су вешками обставил, чтобы капитаны не сажали свои пароходы на мель... Я это к тому говорю, что в нашем советском государстве у каждого сызмальства вот такая широкая и просторная дорога, как наш Амур-батюшка. Если, однако, сразу взять и пустить тебя одного по такой дороге, так ты, поди, никуда не придёшь. Заблудишься...

— А про компас ты забыл, дедушка? — вставил Федя.

Дедушка только усмехнулся.

— Можно и с компасом заблудиться, если вот этот нактоуз не работает, — дедушка постучал пальцем по Фединому лбу. — Если поплывешь ты с пустой головой на своей лодке, так она на мель сядет или за корягу зацепится, а то и кверху дном перевернется. Стало быть, сначала нужно тебя научить, как той лодкой править.

Федя слушал дедушку не шевелясь. Хоть и говорил дедушка как будто совсем про другое, он понимал, что ему надо ехать учиться, что без этого нельзя.

— Будешь, Фёдор, хорошо учиться, большой корабль тебе доверят, плохо — такого доверия тебе не окажут, а коли совсем худо, так и лодка тебе достанется дырявая... А плохо учиться тебе никак нельзя: для тебя все дороги открыты, мы на твоём пути все мели вешками обставили, коряги динамитом взорвали... Значит, иди смело в жизнь, не трусь, не робей.

Дедушка подхватил Федю на руки и высоко поднял вверх.

— Вперёд, капитан! Не век тебе у деда на заимке сидеть. Пришла пора ехать молодцу со двора. Попутного ветра, капитан!

После обеда за верхней скалой протяжно загудел пароход. Федя, дедушка, бабушка заторопились на берег. Все вещи уже были погружены на гольдячку.

— Все не поместимся, — сказал дедушка, — ты, мать, прощайся здесь.

Бабушка обняла Федю вместе с его ранцем, да так и застыла.

Из-за скалы показался пароход. Федя

боялся, что пароход пройдёт мимо, а бабушка всё продолжала его обнимать.

Но пароход не прошёл. Кто-то на его мостике замахал красными флажками, и дедушка прочитал вслух: «Пристану к берегу». Он снял свою фуражку, снял с Феде его кепку и помахал в ответ. Пароход развернулся и подошёл прямо к тому месту, где все они стояли. Дедушка поймал верёвку и накинул петлю на столб, врытый на берегу. С носа парохода подали сходни. На палубу высыпали пассажиры, они с любопытством смотрели на берег. Капитан поздоровался с мостика и крикнул Феде:

— Ну, давай на палубу!

В это время из каюты выбежал один очень высокий пассажир.

— Это что? Что за остановка? Почему без расписания? — начал он спрашивать у всех.

— Пассажира берём, студента, — ответил капитан.

— Студента? Очень интересно. Где он? Какого института?

Дедушка помог Феде подняться до половины сходней, а там его подхватили матросы, и он очутился на палубе. Первым к нему подбежал суетливый пассажир. Он осмотрел Федю со всех сторон, потрогал ранец, протянул руку и сказал, улыбаясь:

— Петров, геолог. Очень рад познакомиться. Как тебя зовут?

Федя сразу оробел, но все кругом приветливо улыбались, тогда и он протянул геологу руку и твёрдо сказал:

— Фёдор Сергеевич Овчинников.

Пароход протяжно загудел, весь берег качнулся, и дедушка, бабушка, вся заим-

ка поплыли в сторону от Феде. Федя бросился к борту и чуть не упал. Его подхватил на руки геолог.

— Держись, студент! В жизни бывает много встреч и разлук. Ещё свидишься с дедушкой и бабушкой.

Разворачиваясь, пароход всё дальше и дальше уходил от берега. Пассажиры обступили геслога и Феде; они махали руками дедушке и бабушке, как старым знакомым. Дедушка махал в ответ фуражкой, бабушка — платком, и даже Вестсвой бегал по берегу и, твякая, махал Феде своим пушистым хвостом.

Федя вытащил из кармана платок, развернул его и махал им до тех пор, пока заимка не скрылась за скалой. Тогда Федя насухо вытер платком глаза и весело всем улыбнулся.

А впереди, сверкая под лучами солнца, между дремучих таёжных сопок, чуть тронутых осенним багрянцем, катил свои могучие воды широкий и просторный Амур-батюшка.

Отсюда начиналась великая советская земля, ласковая и заботливая Федина родина.

БУКВАРИК

За окном луна-фонарик
Тихо по небу плывёт...
У меня теперь букварик
На моём столе живёт.

Мне букварик подарили
В день рожденья моего.
А дарили, говорили:
— Нет чудесней ничего!

Елена БЛАГИНИНА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В нашем крае весна, посмотри, Али.
Сходит с гор седина, посмотри, Али.
Зажурчали вдали ручейки, Али,
И фиалки зажгли огоньки, Али.
Птицы в гнёзда вернулись, послушай, Али,
Медвежата проснулись, послушай, Али.
Скоро ножками в поле пойдёт Али,
Скоро речку в ладошки возьмёт Али.
Солнце доброе днём над тобой, Али,
Над тобою покров золотой, Али.
По ночам тишина и луна, Али,
И сияньем полна вышина, Али.
Расцветает наш край, посмотри, Али.
Баю-бай, засыпай до зари, Али!

Расул ГАМЗАТОВ
Перевёл с аварского Н. Гребнев

А. НЕКРАСОВ, И. ТАЙЧЕР

Когда фашисты удирали из нашей страны, они потопили этот катер.

Наши моряки решили поднять затонувшее судно. Первым делом послали на дно водолазов-разведчиков посмотреть, как лежит катер, какие в нём повреждения, как он сохранился, а то, может быть, и поднять не стоит.

Вот надели водолазы резиновые водолазные костюмы, тяжёлые свинцовые башмаки, круглые медные шлемы с прозрачными окнами и стали спускаться в море.

Один уже опустился. Видишь, он стоит под кормой у катера и осматривает руль. А другой водолаз ещё только спускается. От него сверху идут три верёвки. На од-

ной он подвешен. Другая верёвка — это сигнал. Водолаз по-разному дёргает эту верёвку, а товарищи наверху понимают: один раз дёрнул — значит «всё в порядке», задёргал быстро и часто — значит «тревога», дёрнул три раза — «поднимай»...

А третья... это не верёвка, а гибкая трубка — шланг. Водолазу ведь нужно дышать. Вот ему по шлангу всё время и качают воздух. Лишний воздух водолаз выпускает из шлема — видишь, белые пузырьки бегут кверху.

Здесь на рисунке не видно, а там, в шлеме у водолаза, есть ещё телефон. Он всё

Рис. В. БИБИКОВА

время разговаривает с товарищами, рассказывает о том, что видит на морском дне.

А на дне любознательному человеку есть что посмотреть. Вон лежит морская звезда; вон медузы, как парашютисты, спускаются сверху; на скале, под самым катером, притаился скат с длинным хвостом, а рядом спрут — осьминог. Тут и рыба, и крабы, и ракушки, и водоросли...

Но водолазам не до того. И спрутов и крабов они каждый день видят, а вот этот катер, затопленный немцами, увидели впервые.

Они обойдут катер со всех сторон, постучат молотками, посмотрят, не съела

ли ржавчина стальные листы. И внутрь заберутся, осмотрят машину... Расскажут, как катер лежит, где удобнее взяться, чтобы поднять его со дна моря...

А тогда уж спустятся не два, а сразу много водолазов. Обвяжут катер стальными канатами, привяжут к канатам баллоны — поплавки, накачают их воздухом, и катер всплывёт.

Потом отведут его в порт, починят, покрасят, поднимут на нём красный советский флаг, и снова пойдёт катер работать в море — водить тяжело груженные баржи и рыбацьи шаланды, выводить из порта большие корабли, а может, придётся ему и отважных водолазов вывезти в море.

Н. САКОНСКАЯ

Рис. К. КАЩЕЕВА

ПЕРВОКЛАССНИК

Поступил я осенью
В школу в первый «А»,
Я считаюсь школьником
С первого числа.

Ровно в восемь тридцать
Утром каждый раз
Двадцать девять мальчиков
Входят в первый класс.

Двадцать девять школьников —
Дружная семья, —
Все шагают парами,
В первой паре я.

Я сажусь за парту,
Достаю тетрадь,
Я сейчас чернилами
Буду в ней писать.

Я во-всю стараюсь,
Сам едва дышу:

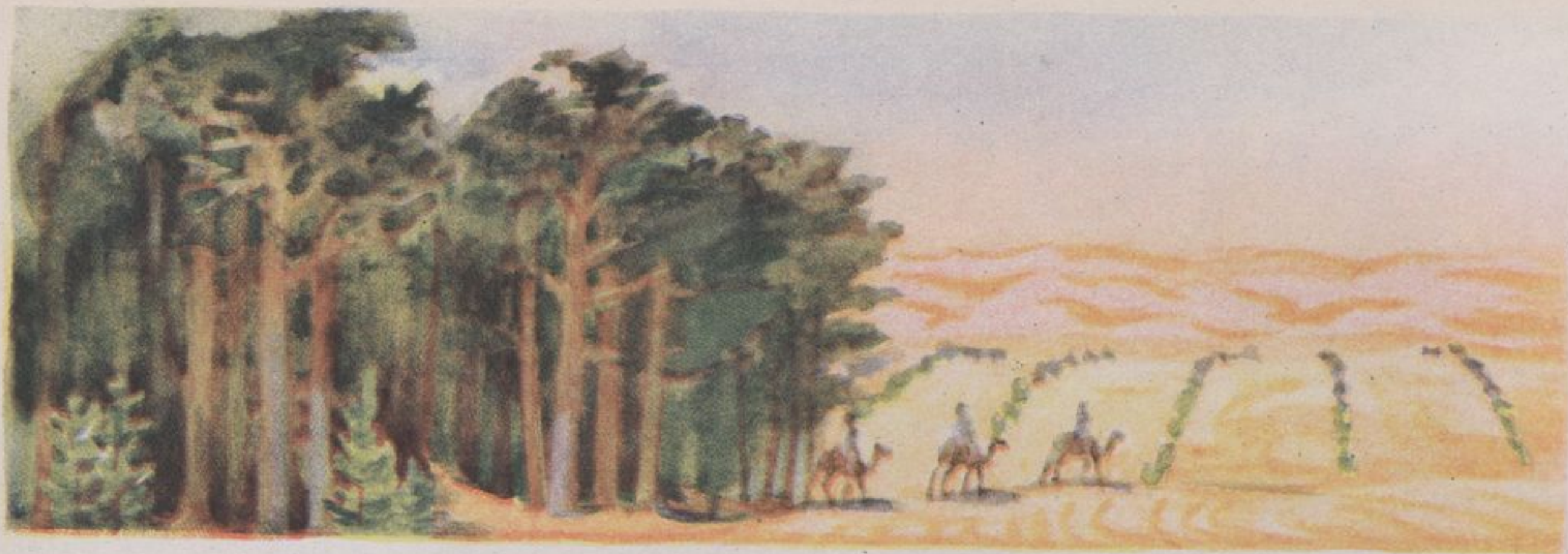
В первый раз чернилами
Нынче я пишу.

И меня учитель
Молодцом назвал,
Первую пятёрку
Ставит мне в журнал.

И решил я твёрдо
С этого же дня,
Что одни пятёрки
Будут у меня.

И хотя фамилия
У меня на «Ц»
И она в журнале
Ставится в конце,

Всё же всякий скажет,
Глядя в мой дневник,
Цыганков Серёжа —
Первый ученик.

И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Рис. Л. ЕЛИСЕЕВНОЙ

ЛЕСОВОД

Он самый знатный человек,
Ему — любовь, ему — почёт.
От берегов студёных рек
Пришёл в пустыню лесовод.

Ему доверила страна
Итти в цепи передовой,
Сосны упорной семена
Принёс он в сумке полевой.

Ему любой по силам труд:
Настойчив он и закалён.
И тут, где травы не растут,
Расти леса заставит он.

Из дальней тундры, из тайги,
От белых северных морей
Приди к нему и помоги
С пустыней справиться скорей.

ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

За гранью Полярного круга,
В полночных владеньях зимы,
Ромашки смоленского луга
Внезапно увидели мы.

В неведомой тундровой школе,
Где каждый сроднился с мечтой,
Открылось нам курское поле
В колосьях пшеницы литой.

Где тундры бесплодные вязки,
У самого края земли,
В теплице на школьном участке
Тамбовские вишни цвели.

У нашей отчизны красивой
Лучистого хватит тепла,
Чтоб рядом с таймырской ивой
Кавказская слива цвела.

У СИБИРСКИХ ОХОТНИКОВ

Далеко на восток от Москвы, за Уральским хребтом, раскинулась огромная Сибирь. Это край величественной и суровой природы и неисчислимых богатств.

Русские люди открыли Сибирь много веков назад. Но она долго была краем каторги. Цари ссылали сюда революционеров — людей, борющихся за свободу народа.

Здесь в ссылке были великие вожди нашей партии и государства — В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Страшное время царизма навсегда миновало. Сейчас Сибирь — цветущий советский край. Огромные, залитые светом города, богатые колхозы, железнодорожные, водные и воздушные пути, могучие электростанции и заводы построили здесь советские люди. Кузнецкую сталь и алтайскую золотую пшеницу, миллионы кубометров смолистого леса и груды пушнины и многое, многое другое даёт Сибирь советской отчизне.

Здесь дружно живут и трудятся народы разных национальностей. Русские, ойроты, украинцы, шорцы, эвенки, ханты строят новую, коммунистическую Сибирь.

Есть в Сибири и такие районы, где люди занимаются только охотой.

По реке Тыму (приток Оби) с давних пор живут ханты. Они называют себя лесными людьми, потому что живут в богатом лесном районе. Тымский район очень большой. Ханты — смелые, неутомимые охотники. Они любят свой родной край: его кедровые и сосновые леса, голубые озёра и быстрые реки. Здесь летом наступает пора белых ночей, когда в полночь так же светло, как днём.

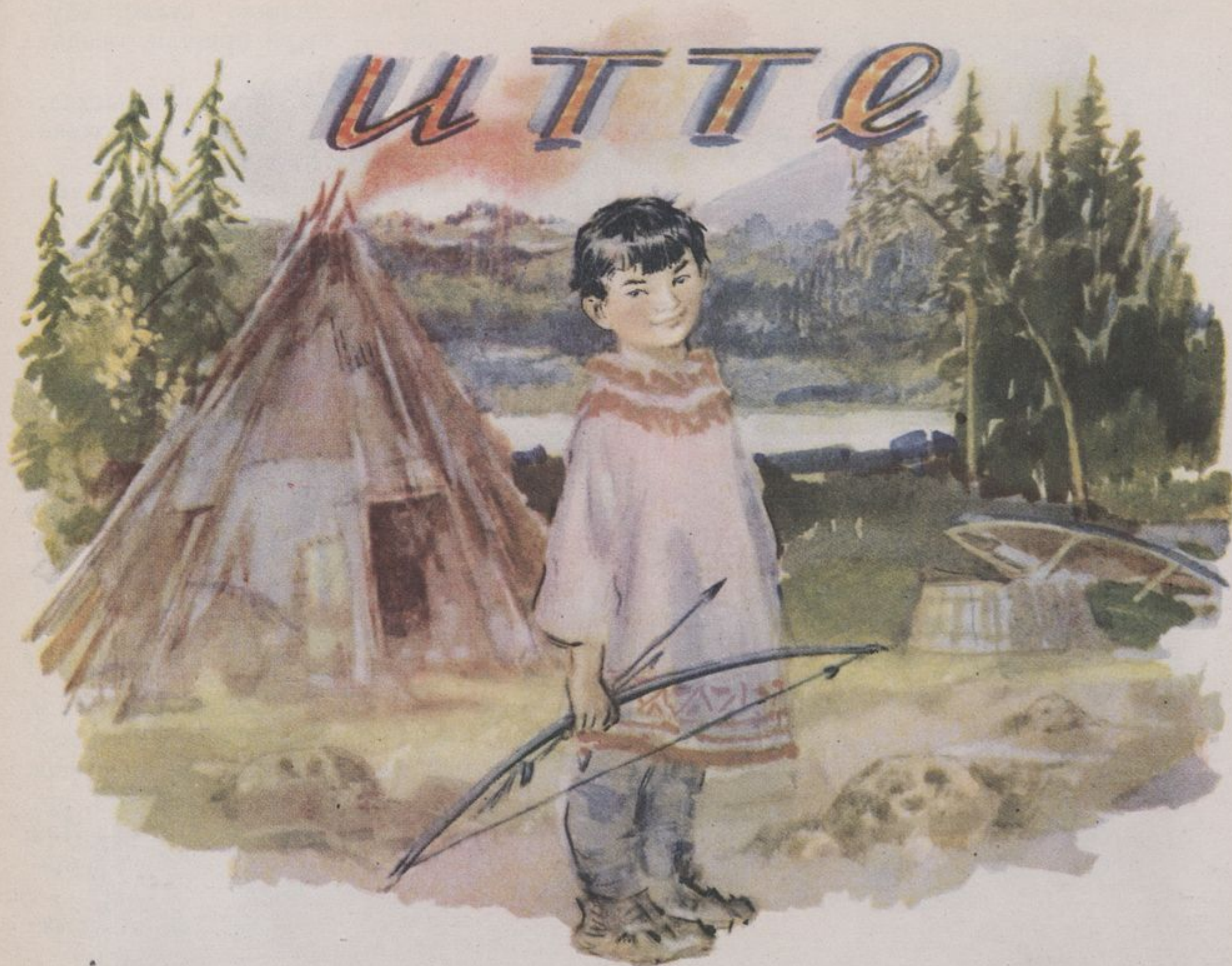
Хантов немного. Они живут в маленьких, в два-три дома, селениях. Такие сёла отстоят в ста-двухстах километрах одно от другого.

Маленькие ханты учатся в школах-интернатах в районном селе Большой Напасс. В восемь-девять лет они начинают охотиться.

Маленькое племя хантов живёт счастливой, радостной, большой жизнью. В тёмную пору царизма ханты могли только мечтать о такой жизни в своих чудесных сказках. Любимый герой этих сказок — богатырь Итте (Иде). В сказках воспеваются дружба и честность, отвага и смелость, осмеиваются лень и трусость.

В долгие ночи на охотничьих становищах у костра, под шум тайги и журчанье весёлого Тыма я записывал эти сказки для вас, ребята.

Сказка

Итте маленький был, когда сиротой остался. Мать умерла в тот год, как Итте родился. Отец-охотник в тайгу зверя промышлять ушёл, совсем не вернулся.

Бабушка Итте—Имъял-Пая её звали—его к себе взяла. Итте большой мальчик стал, а всего боится. Никуда от бабушки не отходит, за бабушкин подол держится.

Думает бабушка:

«Как отучить Итте всего бояться, чтоб Итте на рыбалку ходил, на зверя ходил, смелым охотником стал?..»

Кедровым орехам урожайный год пришёл. Совсем спелые орехи стали — можно собирать итти.

Бабушка Имъял-Пая говорит Итте:
— Пойдём, Итте, орешки собирать.

— Что ж такое! Пойдём, бабушка!

Бабушка в лодку села, Итте усадила, лодку толкнула, и поехали.

Ясный день был. Солнышко светит. Тайга тихонько шумит. Тым-река от песка к песку бежит.

Три песка бабушка с Итте проехали, на берег вышли, на гору поднялись, в тайгу пошли.

В тайге птицы поют. Далеко слышно — кедровка стучит. Орехи из шишек птичка выбирает.

Стала бабушка с Итте орехи собирать. Кедровы высоко головы подняли, в ветвях шишки спрятали. Старая Имъял-Пая колотушкой сучок ударит — шишки сами падают.

Полную лодку орехов насыпали, домой собрались. Бабушка одну берестяную кошёлку с орехами на горе оставила.

— Ох, Итте, кошёлку забыли! Сбегай, принеси.

Итте на гору побежал, а Имъял-Пая лодку от берега оттолкнула.

Итте с горы глядит — бабушка уехала! Итте кричать стал, плакать стал:

— Зачем ты оставила меня, бабушка?..

Имъял-Пая не оглянулась ни разу. Сильно гребла веслом, и скоро лодка из виду ушла.

Итте один в тайге остался. По берегу бегать начал, искать, где бы спрятаться. Искал, искал — дупло нашёл. Залез в дупло, клубочком свернулся, лежит тихонько.

Солнце спускаться стало, ветер подул, дождь пошёл. Тайга шумит. Кедровые шишки падают, по дуплу стучат.

Итте страшно стало. Думает — звери пришли, съедят его.

Со страху Итте кричать стал: — Всего съешьте, но только голову не троньте!

А его никто и не трогает. Только стук кругом идёт, шишки падают.

Сколько ни боялся Итте, заснул понемножечку. Сколько ни спал, пробудился. Смотрит — светло стало. Солнце высоко. Птицы поют. Тайга тихонько шумит.

Итте сам себя щупать стал. Цел ли?

Левую руку протянул — здесь рука. Правую руку протянул — здесь рука. Итте из дупла выскочил, на ноги встал, смотрит — кругом шишки падали. Ой, сколько шишек!

Итте стал шишки собирать и страх позабыл. Некого бояться!

Большую кучу шишек собрал Итте. На берег посмотрел, видит — бабушка Имъял-Пая приехала. Итте бабушке руками замахал, кричит:

— Зачем меня одного оставила?

Бабушка ему говорит:

— Не сердись, Итте. Ты человек. Тебе никто ничего сделать не может. Человек — везде хозяин. Теперь ты ничего бояться не будешь.

Подумал Итте:

«Правду говорит бабушка — не надо бояться».

Помирился Итте с бабушкой. Опять стали орехи собирать. Опять лодку полную набрали. Домой поехали.

Тым-река от песка к песку бежит. Высоко солнышко светит. Тайга тихонько шумит. Хорошо!

С тех пор Итте бояться перестал. Куда захочет, один идёт.

Так бабушка Имъял-Пая своего внука Итте бояться отучила.

Год за годом время прошло. Вырос Итте. Стал охотником, самым смелым охотником стал.

Игра в „гуси-лебеди“

Малыши среди двора
Хоровод водили,
В «гуси-лебеди» игра,
Серый волк — Василий.

Собрались вокруг него
Лебеди и гуси.
— Почему ты нас не ешь? —
Говорит Маруся.

— Гуси-лебеди, домой,
Серый волк под горой!
Волк на них и не глядит,
Волк на лавочке сидит.

— Раз ты волк,
Так ты не трусь! —
Закричал на волка гусь. —
От такого волка
Никакого толка.

Волк ответил: — Я не трушу
Нападу на вас сейчас.
Я доем сначала грушу,
А потом примусь за вас.

(Из рассказов о зверях и птицах заповедника
„Беловежская пуща“)

Самым интересным из всех питомцев заповедника был ручной ворон Петька.

Принесли его ранней весной уже большим, оперившимся птенцом и поместили в палисаднике около дома. Ухаживать за воронёнком взялся сотрудник заповедника Владимир Фёдорович.

Пока Петька жил в палисаднике, он никому не мешал. Поест, попрыгает, а к вечеру заберётся под куст и уснёт.

Зато, как научился летать, тут уж от него никому покоя не стало. Петька гонялся за курами, дёргал за хвосты кошек и даже ухитрялся досаждать тем животным, которые сидели в клетках.

Особенно от него доставалось куницам. Бывало отдыхают куницы, а Петька подлетит к их клетке, схватит сетку клювом и начнёт трясти, дергать, — до тех пор дёргает, пока не разбудит куниц. Зевая и потягиваясь, вылезают они из своей конурки и тут же, заметив Петьку, со злобным писком бросаются на сетку, стараясь схватить за клюв нахальную птицу. Но Петька ловко отскакивает и опять трясёт сетку то с одной, то с другой стороны. А рассвирепевшие зверьки в это время с писком и визгом носятся по всей клетке.

Вся эта кутерьма продолжается до тех пор, пока на шум и писк не выходит кто-нибудь из сотрудников и не прогоняет Петьку.

Петька улетает, и в клетке снова водворяется тишина.

Ровно в девять часов утра жена директора заповедника Любовь Владимировна выходила кормить куниц. К этому времени Петька успевал уже вернуться. Он прыгал вокруг Любви Владимировны, каркал, просил, чтобы покормили и его.

Ел Петька очень много, страшно жадничал и, даже наевшись доотвала, не успокаивался. Он старался выпросить или стащить ещё кусок и спешил его запрятать в укромный уголок.

Прятал Петька свою добычу в самые невероятные места. Как-то раз директор заповедника Николай Сергеевич кормил ягодами ручного журавля Журку. Петька сейчас же сел к нему на плечо и стал просить, чтобы угостили и его. Николай Сергеевич дал ему ягод. Но есть их Петька, конечно, не стал. Он набил ягодами полный рот, а потом стал их прятать. При этом Петька даже не потрудился слезть с плеча Николая Сергеевича. Он просто засунул клюв за ворот рубашки директора и отправил ему за шиворот весь свой запас.

Петька прятал не только еду. Он не мог равнодушно видеть мелкие блестящие предметы, чтобы не попробовать их стащить...

Как-то раз утром приходят сотрудники в канцелярию. Что за чудо? — ни одной ручки, ни одного пера, ничего нет. Куда же всё подевалось?

— Подождите, а это что такое? — удивился один из сотрудников, указывая на стол бухгалтера.

На столе валялся опрокинутый пузырёк с клеем. Весь клей разлился, а кисточка была тщательно засунута в отчётную ведомость.

— Да это Петька натворил! — охнул бухгалтер. — Всю ведомость испакостил, всю клеем измазал, теперь и не разлепишь.

Оказывается, на ночь забыли закрыть в канцелярии окно. Ранёхонько утром Петька забрался в комнату и похозяйничал там на славу. Весь день потом прошёл в разыскивании исчезнувших вещей. Все лазили под столами, заглядывали за шкафы, отодвигали этажерки и извлекали из самых неподходящих мест запрятанные туда предметы.

Оставалось только удивляться изобретательности Петьки.

Своей манерой всё тащить Петька скоро приучил работников заповедника прятать мелкие вещи. Сотрудники канцелярии, уходя с работы, запирали в столы карандаши, перья, ручки. Препаратор убирал свои инструменты, а шофёр, после того как Петька утащил гайку, даже завёл специальный ящичек, куда прятал разные винтики, гайки... и вообще всё, на что мог польститься Петька.

— Ну и Петька! Всех к порядку приучил, — шутили между собой сослуживцы.

Петька донимал не только сотрудников заповедника.

Из деревни постоянно приходили в управление спросить, не приносил ли Петька ножик, вилку или ещё что-нибудь из мелкого домашнего обихода. И нередко пропажа тут же находилась. Обычно перед тем, как спрятать добытую вещь, Петька долго летал с нею по двору. Затем вырывал клювом ямку и тщательно зарывал украденное.

При этом Петька вовсе не старался это сделать так, чтобы никто не видел. Он прятал всё тут же, на глазах, и потом спокойно улетал. Так что его похоронку найти было вовсе нетрудно.

Сам же Петька свои похоронки не запоминал, и если находил, то только случайно. Но это не значило, что у него была плохая память. Память у Петьки была замечательная, в особенности на людей, и если его кто обижал, то он надолго запоминал обидчика.

Однажды, залетев в комнаты одного из сотрудников, Петька стащил у хозяйки

дома со стола очки и пытался с ними улететь. Однако бегство не удалось. Разгневанная хозяйка успела захлопнуть дверь и пребольно отхлопала воришку полотенцем.

Крепко запомнилась Петьке такая обида, и с тех пор стоило только этой женщине появиться в усадьбе заповедника, как ворон с грозным карканьем бросался на неё и старался клюнуть.

Зато стоило Петьке увидеть Владимира Фёдоровича, как тут же с коротким карканьем, означавшим, очевидно, на его птичьем языке приветствие, опускался на плечо своего друга, прижимался головой к его щеке или осторожно брал клювом его за нос и тихонько теребил. Он даже сопровождал своего воспитателя в «Пущу», летел следом за ним или поднимался

высоко вверх и кружил над лесом.

Зрение у Петьки превосходное. Он сразу замечал затаившегося в кустах зайца или косулёнка. Садился на ближайшее дерево, возбуждённо смотрел вниз и отрывисто каркал. Владимир Фёдорович уже знал, что, значит, Петька кого-то заметил, и спешил на его голос.

— Петька мне в лесу вместо собаки служит, — смеялся Владимир Фёдорович. — Как заметит какого зверя, сразу знать даёт.

Петька часто посещал «Пущу» и без Владимира Фёдоровича. Нередко встречали его одного вдали от дома. Летал Петька высоко, плавно, совсем как дикая птица; и тогда, глядя на него, прямо не верилось, что он ручной, живёт среди людей и даже таскает из комнат разные вещи.

В ШКОЛУ

...Бегут по улице мальчишки,
И слышится со всех сторон:
«Костёр»... «поход»... «рыбалка»...
«книжки»,

Ну... и, конечно, «стадион»!
Коричневые от загара,
В фуражках новых до бровей;
Их в раздевалке Карпыч старый
Встречает, точно сыновей.
А в школе пахнет лаком, краской,
И даже глобус, прежний друг,
И карта с тоненькой указкой
Новей с чего-то стали вдруг.
Проходит медленной походкой
Любимец их, учитель, в класс.
На партах летние находки...
Звонок!
За дело!
В добрый час!

Е. ТРУТНЕВА

Белка одна, а утят сколько?.. зайцев, ромашек?..

На обложке рисунок Н. Соколова.

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор А. Губер

Год издания двадцать шестой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сушэвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06.
2,8 уч.-изд. л., 33 000 экз. в печ. л.

Подписано к печати 3/VIII 1949 г.
Тираж 117 000 экз. Заказ 1328.

А07737. Объем 3 печ. л.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сушевская, 21.

С. МАРШАК

Рис. Е. ЧАРУШИНА

КОРАБЛИК

Плывёт, плывёт кораблик,
Кораблик золотой.
Везёт, везёт подарки,
Подарки нам с тобой.

На палубе матросы
Свистят, снуют, спешат...

На палубе матросы —
Четырнадцать мышат.

Ведёт кораблик утка,
Испытанный моряк.
«Земля, — сказала утка. —
Причаливайте! Кряк!»